Г. Тирацян

Опыт периодизации истории материальной культуры древней Армении

(VI в. до н. э.—III в. н. э)

Степень изученности материальной культуры древней Армении далеко не удовлетворительна, что объясняется слабым развитием археологических исследований по эпохе рабовладельческого строя. Главное внимание уделялось и уделяется еще археологическому изучению урартского государства (раскопки в Ване и на Кармир-блуре) и периоду зрелого средневековья (раскопки в Ани и Двине).

Однако начавшиеся с 1949 г. систематические археологические работы в Гарни¹, исследование наземных памятников этой эпохи (античный храм в Гарни и эпиграфические памятники)², а также собрание и обобщение всех случайных находок, разбросанных по разным музеям мира³, позволяют дать более или менее обобщенный обзор отдельных отраслей материальной культуры древней Армении.

Одновременно создались условия для установления предварительной периодизации рассматриваемого большого раздела истории материальной культуры и искусства Армении. Попытка установить такую периодизацию облегчается еще тем обстоятельством, что значительные успехи достигнуты историками-арменоведами в изучении общественного строя древней Армении и намечены главные этапы его развития.

На основе изучения всех вещественных источников в совокупности, при учете данных социально-экономической и политической истории, устанавливаются три главные периода истории материальной культуры древней Армении.

Первый период — VI в. до н. э. — IV в. до н. э. На смену разгромленному урартскому государству пришло первое политическое объединение армянских племен под руководством представителей из рода Еруандянов. Однако к концу VI в. ахеменидскому царю Дарию удалось полностью уничтожить независимость армян, страна которых была разделена между двумя сатрапиями. Наличие сатрапий засвиде-

¹ См. Б. Н. Аракелян, Раскопки крепости Гарни, ВДИ, 1951, № 4; Работы гарнийской археологической экспедиции Института истории АН Армянской ССР (на арм. яз.), Известия АН Армянской ССР, 1951, № 3; Гарни. I, результаты работ (1949—1950), Ереван, 1951; Значение раскопок в Гарни для изучения культуры древней Армении, ВДИ, 1953, № 3; Мозанка из Гарни, ВДИ, 1956, № 1.

² К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953.

³ Г. А. Тирацян, Материальная культура Армении первых веков н. э. по данным некрополя и бани в Гарни (автореферат диссертации), Ленинград, 1956, стр. 4—6.

тельствовано и Ксенофонтom, прошедшим на грани V—IV вв. через Армянское нагорье, значительная часть которого была охвачена процессом образования армянского народа.

Македонский поход на Восток во второй половине IV в. до н. э. положил конец ахеменидскому господству в Армении.

Выявление социально-экономической эволюции страны в этот период довольно сложно. Очевидно, однако, что у входящих в состав урартского государства завоеванных племен, в том числе и у армянских, процесс классового образования проходил медленно и не достиг той классовой дифференциации, которая наблюдалась в самом Урарту. Прогресс, достигнутый в деле производства жизненных благ в течение последующих за падением урартского государства столетий, безусловно изменил общественную структуру армян. Учитывая наличие сравнительно развитого классового общества в Армении первых веков до н. э., можно предположить, что в эпоху ахеменидского владычества в Армении усилился процесс классовой дифференциации, с выделением рабовладельческой знати, с одной стороны, и лишенных всяких средств производства рабов, главным образом из военнопленных, — с другой.

К этому периоду истории армянского народа относится ряд памятников, представляющий некоторый интерес для исследования материальной культуры Армении VI—IV вв. до н. э.

Особое место среди них занимает ряд замечательных металлических изделий (серебро и бронза), случайно обнаруженных на территории Армении и хранящихся ныне в разных музеях мира. Это в первую очередь большая группа серебряных сосудов, найденных в XIX в. около Ерзнкяна (Западная Армения) и доставленных в Британский музей (ритон, узорная чаша-фиала, три кубка, цилиндрическая коробочка и др.)¹. В Лувре хранятся чаша-фиала, тождественная ерзнкянской, и два ритона². В Берлинском музее имеется ручка от большого сосуда, в виде крылатого козерога³. Наконец, из курганов Хасан-Калы, недалеко от Эрзерума, происходит золотая гривна, с концами в виде рогатых львов⁴.

Необходимо остановиться более подробным образом на некоторых предметах из накопившейся уже, как видим, внушительной коллекции металлических изделий.

¹ O. M. Dalton, The treasure of the Oxus with other examples of early Oriental metalwork, London, 1926, II edition, стр. 43—45, табл. XXII, XIII и рис. 19, 71, 72.

² G. Migeon, Les accroissements des Musées du Louve, „Les Arts“, № 1, 1902, стр. 17 и рис. на стр. 18; G. Conteneau, Manuel d'archéologie orientale, Paris, 1931, т. III, стр. 1448, 1449, рис. 879.

³ A. Furtwangler, Erwerbungen der Antikensammlungen in Deutschland, „Archäologischer Anzeiger“, т. VII, Berlin, 1892, стр. 114.

⁴ С. Тер-Аветисян, Курганы Хасан-Калы, Известия Кавказского историко-археологического института, т. IV, Тифлис, табл. 2; Б. Б. Пиотровский, Скифы и древний Восток, „Советская археология“, XIX, 1951, рис. 3, стр. 151.

Две узорные фиалы из Армении (Лувр и Британский музей) датировались их издателями V в. до н. э.¹ Имеется основание относить эти фиалы к несколько более позднему времени — IV в. до н. э. Такая датировка вытекает уже из сопоставления их со сходной чашей из Ахалгори².

Следует упомянуть еще ряд важных аналогий. На недавней выставке Метрополитанского музея (Нью-Йорк) была экспонирована такого же типа фиала, стожественными узорами. Главное же ее значение состоит в том, что она носит древнеперсидскую клинописную надпись ахеменидского царя Артаксеркса II, правившего, как известно, в 404—358 гг.³

Вторая аналогия — это раскопанная в Прохоровском кургане (Урал) чаша-фиала⁴, очень сходная с найденными в Армении. По мнению П. К. Коковцова, изучавшего арамейскую надпись фиалы, ее можно датировать не раньше IV в. до н. э.⁵ К IV в. до н. э. относится Б. А. Куфтиным стеклянная чаша из Алгети (Грузия), очень близкая по своим узорам к группе отмеченных чаш⁶.

Подобные образцы с ложковидными выступами в виде лепестков, бутонов и цветков принято считать предметами ахеменидского происхождения. Об этом говорят сами персидские надписи на ряде фиал, а также содержание этих надписей. Так, надпись Артаксеркса на нью-йоркской фиале сообщает о том, что эта чаша была изготовлена для ахеменидского дворца⁷, очевидно в одной из придворных мастерских. Однако следует отметить тот важный факт, что ахеменидские фиалы, так же как и найденные на территории Армении фиалы, имеют своих предшественниц в урартской торреutique. Найденная, например, в 1956 г. на Кармир-блуре фиала по обработке и узорам во многом предваряет ахеменидские образцы. Не случайно поэтому, что многие из исследователей с особой силой подчеркивают роль урартской индустрии металла в деле развития ахеменидской торреутики⁸.

Ритон из Ерзнкяна также заслуживает особого внимания. Его первым издателем было отмечено сходство протома с рельефами грифонов из Персеполя, что позволило датировать этот предмет V в. до

¹ Dalton, указ. соч., стр. 44; Migeon, указ. соч., стр. 17.

² Ш. Я. Амиранавили, История грузинского искусства, стр. 76.

³ „The Illustrated London News“, April, 16, 1955, стр. 699.

⁴ М. И. Ростовцев, Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма, „Материалы по археологии России“, № 37, Петроград, 1918, табл. I, 2.

⁵ Там же, стр. 82—83.

⁶ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки Триалети, I. Тбилиси, 1941, табл. VIII, стр. 37.

⁷ „The Illustrated London News“, April, 16, 1955, стр. 699.

⁸ Н. Luschny, Achamenidisch persische Toreutik, „Archaeologischer Anzeiger“, т. 53, 1938, стр. 762; В. Svoboda, D. Concev, Neue Denkmäler antiker Toreutik. Prag, 1956, стр. 46.

н. э.¹ Отчетливую связь выявляет его тулово, обработанное такими же горизонтальными каннелюрами, как на ахеменидском ритоне из Хамадана².

В этой связи следует отметить, что урартская торевтика, по всей видимости, была знакома с ритоном, как с определенной формой сосуда. Так, упомянутые в тексте VIII похода Саргона сосуды в виде рогов из Мусасира, принято считать ритонами³. А как нам любезно сообщил И. А. Орбели, в 1911 г. во французской миссии в Ване имелись два ритона, по-видимому урартского происхождения, найденные, очевидно, в окрестностях города.

Характерные три кубка из Ерзнкяна с полусферическим туловом и высоким раструбообразным венчиком, датированные издателем V в. до н. э., по причине наличия изображений аналогичных сосудов на персепольских рельефах⁴, интересны тем, что по своей форме имеют свои прототипы в материальной культуре Урарту, в ее торевтике и керамике.

Подводя итоги, можно сказать, что рассмотренные металлические вещи так или иначе связаны с иранским миром, с ахеменидской торевтикой.

Вместе с тем все более и более отчетливым становится участие именно урартских традиций в деле производства ахеменидской торевтики. В связи с этим все настоятельнее напрашивается вывод о большей роли урартской культуры в формировании ахеменидской культуры вообще. Появляются все новые возможности для определения того вклада, который урартская культура внесла в такие отрасли материальной культуры ахеменидского Ирана, как строительная техника (на примере раннеахеменидского памятника Масджид-и-Солеймана)⁵, глиптика и ее тематика (на примере урартского медальона из Топрак-Кале и резного камня из коллекции Дэ Клерк⁶), не говоря уже о торевтике и архитектуре.

Нам кажется, что в свете вышесказанного предстоит решать в дальнейшем вопрос, являются ли найденные в Арменни металлические изделия V—IV вв. до н. э. продуктами местных мастерских, продолжающих, с одной стороны, урартские традиции, но впитывающие в себя новые, свойственные ахеменидскому искусству черты, или это привозные вещи из испытывавшего урартское влияние ахеменидского Ирана.

И в одном и в другом случае ясно, что рассмотренные метал-

¹ Dalton, указ. соч., стр. 42.

² „The Illustrated London News“. July, 21, 1956, стр. 107.

³ B. Svoboda—D. Concev, указ. соч., стр. 44.

⁴ Dalton, указ. соч., стр. 44.

⁵ R. Girshman, Masjid-i-Iolaiman, residence des premières achemenides. „Syria“, т. XXVII, Paris, 1950.

⁶ Б. Б. Пиотровский, Урартская бронзовая статуэтка Государственного музея Арменни, „Советская археология“, VI, 1940, стр. 91.

лические изделия (в большинстве случаев серебро) бытовали в среде оформляющейся рабовладельческой знати Армении, где эти изделия имели определенный спрос. К сожалению, сведения об этом в первоисточниках отсутствуют.

Единственное свидетельство, которое можно было бы привлечь в этой связи, принадлежит Ксенофону, который рассказывает, что при захвате отступающими через Армению греками сатрапской палатки Тирибаза, правителя Западной Армении, среди прочих вещей обнаружены серебряные ножи от ложа и серебряные кубки (Анабазис, IV, 4, 21).

Керамика рассматриваемого периода представлена незначительными образцами.

Интересен сосуд с яйцевидным, вытянутым туловом, с венчиком в виде раструба и с двумя ручками, и раскопанный из погребения в III квартале города Кармир-блур. Он заслуживает внимания тем, что по своей форме перекликается с изображенными на персепольских рельефах металлическими сосудами, вносимыми в дар „царю царей“¹. Интерес к нему возрастает еще в связи с тем, что раскопавшему этот сосуд А. А. Мартиросяну удалось подобрать убедительный прообраз среди красноощенной урартской керамики (находится в музее Кармир-блур).

Из Ахтинского района, из раскопок А. О. Мнацаканяна, происходит ряд кувшинов светлого цвета с выпуклым туловом, широкой шейкой и раструбообразным венчиком и дугообразными ручками². Они датируются IV в. и в общем предваряют керамику первых веков н. э. из Гарни.

На территории Армении было найдено небольшое количество резных камней, относящихся к рассматриваемому периоду. Это, в первую очередь, — происходящая из того же Ахтинского района интересная коллекция скарабеоидов³. Могильник, из которого они происходят, датируется издателем IV в. до н. э. При более подробном ознакомлении с вышеупомянутыми изделиями выявляются их конкретные связи с подобными изделиями древнего мира. Установлено, что, вследствие взаимосочетания греческих и иранских культурных традиций на территории Малой Азии, возник новый, смешанный стиль, так называемый греко-персидский⁴. Этот стиль особенно выявил себя в глиптике того времени.

Самым распространенным резным камнем этой эпохи стал скарабеоид, большой и толстый, с подчеркнутой выпуклостью. Тематика врезанных изображений довольно многообразна.

¹ E. Schmidt, Persepolis, Chicago, 1953, табл. 29 В.

² А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников у селения Атарбекин, КСИИМК, в. 60, 1955, рис. 5.

³ Там же, рис. 9.

⁴ A. Furtwangler, Die antiken Gemmen, Berlin, 1900, стр. 116—128; M. Maximowa, Griechisch - persische Kleinkunst in Kleinasien nach den Perserkriegen, Archäologischer Anzeiger, т. 43, 1928, стр. 671—676.

Часто встречается изображение оленя¹, наличие которого засвидетельствовано также на ахтинских камнях. Следовательно, как по своей форме, так и по тематике последние тяготеют к малоазийскому культурному миру.

Не обязательно считать рассмотренные геммы импортными. Несколько отличная передача изображения допускает мысль об их изготовлении на месте под влиянием малоазийских образцов, наподобие мцхетских стеклянных многогранников, изготовленных по примеру каменных, более древних многогранников Малой Азии².

Возможно к последним десятилетиям рассматриваемого раздела истории армянского народа относится чечевидная печать из агата, происходящая из Эрзерума. На ней имеется надпись арамейская, возможно правителя Западной Армении конца IV в. Митрауста³.

Второй период — III в. до н. э.—I в. до н. э. Это период армянской эллинистической культуры. Крушение ахеменидской державы создало условия для возникновения армянского независимого государства Еруандянов во второй половине IV в. до н. э. Имеются сведения об участии этого государства в политической жизни окружающих стран, в частности малоазийских. Вскоре, по ряду причин внутреннего и внешнего порядка, это государство распалось.

В начале II в. до н. э., в благоприятных условиях завершающегося процесса народообразования и все больше усиливающейся классовой дифференциации, бывшему селевкидскому стратегу Арташесу удалось объединить почти что целиком Армянское нагорье. Новое государство активно включилось в политическую жизнь Передней Азии. Особенно ощутимым стало это в I в. до н. э., при Тигране II, когда ряд стран Ближнего Востока и Малой Азии был просто захвачен Арменией. Римское вмешательство поставило конец этой экспансии, но оно не могло прервать существовавшие связи Армении с рядом стран Передней Азии.

Первоисточниками упоминаются новые характерные явления в жизни армянского общества, начиная с III в. до н. э. Это, во-первых, появление в стране городских центров, сходных по своей структуре с эллинистическими полисами. Они становятся значительным фактором в поступательном движении армянского общества эллинистической эпохи. Одновременно засвидетельствовано появление разных форм земельной собственности: частновладельческие хозяйства, дастакерты и агараки, храмовые хозяйства, царская земля с востаникскими уделами, в которых рабский труд, по-видимому, играл ведущее место. Однако картина общественного строя Армении первых веков до н. э. всегда

¹ А. Furtwängler, указ. соч., табл. XI, 22, 23, 25, табл. XIV, 13, табл. XXXI, 4—5.

² М. И. Максимова, Стеклянные многогранные печати, найденные на территории Грузии, „Известия Института языка, истории и материальной культуры АН Грузинской ССР. в. X, Тбилиси, 1941.

³ К. В. Тревер, указ. соч., стр. 174.

останется неполной, если не указать на сильную роль, которую играла сельская община, заметно замедлявшая переход к античным производственным отношениям.

Тем не менее наличие эллинистического города и перечисленных форм земельной собственности показывает, что в это время особенно усиливается общность общественных отношений в эллинистических странах Передней Азии и Армении, что облегчало взаимопроникновение надстроечных явлений, в первую очередь в области культуры. В своем развитии культура древней Армении столкнулась с эллинистическими традициями, и это соприкосновение породило армянскую эллинистическую культуру, причины расцвета которой лежат в общественно-политической жизни страны.

Наиболее ранним из дошедших памятников армянской эллинистической культуры являются монеты Аршама, царя Софены и Коммагены, правившего во второй половине III в. до н. э. Их оборотная сторона показывает, что в сороковые годы III столетия образ Геракла, обнаженного, с палицей в руках¹, был понятен верхушке Софено-Коммагенского государства. Наличие отмеченного эллинского образа, вместе с изображением царя в явно негреческой местной одежде, является показателем начала своеобразного синтеза.

Для более успешного выявления этого синтеза следует рассмотреть отдельные, так или иначе дошедшие до нас отрасли материальной культуры и искусства этого времени, как скульптура, одежда, монеты, архитектура.

Образцы армянской эллинистической скульптуры до нас не дошли, но для установления их характера нам представляется возможным привлечь коммагенские скульптуры I в. до н. э. из Нимруд-Дага². Такое сопоставление вполне допустимо потому, что Коммагена и Армения были связаны теснейшими политическими узами³. Засвидетельствовано также родство идеологических явлений этих двух стран и в области культовых воззрений⁴. Последнее обстоятельство имеет немаловажное значение, так как при переводе этих воззрений на язык художественных форм в обеих странах должны были возникнуть одинаковые по своему облику произведения искусства. В самом деле, стилистический разбор коммагенских статуй показывает, что наряду с эллинскими традициями в коммагенских скульптурах наблюдаются сильные негреческие элементы. Они выявляются в одежде, особенно в головном уборе, имеющем вид высокой тиары с покрывалом и сви-

¹ Ed. Newell, *Miscellaneous Numismatica*, Numismatic notes and monographs, № 82, New York 1938, табл. II, № 13.

² K. Humann, *O. Puchstein*, *Reisen in Kleinasien und Nordsyrien*, Berlin, 1890, табл. XXXI, XXIX, XXX.

³ Г. А. Тирацян, Страна Коммагена и Армения, Известия АН Армянской ССР, 1956, № 3.

⁴ Г. А. Тирацян, Материальная культура Армении первых веков н. э. по данным некрополя и бани в Гарни, стр. 5.

сающими лентами, напоминающей тиграновские образцы армянского царского головного убора¹.

Наряду с отмеченным эллинистическим направлением, выросшим на основе слияния эллинских и местных традиций в скульптуре, следует указать на наличие скульптуры, развивающей в основном местные формы, издавна существовавшие на территории Армянского нагорья. Представителем этой скульптуры является Двинская голова², по своей трактовке, но не по своему художественно-культурному направлению, приводящая на память коммагенские скульптуры.

Наконец, сравнительное обилие сведений о занесении извне армянскими царями эллинских скульптурных форм, как и блестящая находка из Западной Армении головы бронзовой статуи так называемой Анаит, позволяет утверждать о бытовании среди верхушки армянского общества третьего направления, чисто эллинского.

Сравнительное обилие вещественных памятников и письменных свидетельств³ позволяет воссоздать приблизительную картину армянской одежды эллинистической эпохи. Древние армяне носили длинную рубаху (хитон), брюки (анаксериди), низкую обувь, плащ и разнообразный головной убор. Эту синтетическую картину армянской одежды полезно сравнить с одеждой, бытующей в двух, соседних с Арменией, культурных мирах, эллино-римском и иранском. При этом сразу обнаруживаются самобытные черты армянской одежды. Допустимо, например, что длинный плащ, в том виде, в каком он представлен на некоторых изображениях армян, заимствован из греко-римской одежды. Но, тем не менее, в общем армянская одежда сильно отличается от последней, благодаря наличию длинной рубахи и брюк, которые, как известно, не носились на Западе.

В то же время важно отметить, что армянская одежда не растворилась в восточной одежде, с которой она, естественно, проявляет много общих черт. Это выступает особенно при сличении одежды на памятниках парфянского Ирана с армянской одеждой. Характерная для последней длинная рубаха на иранских образцах неизменно заменена своеобразной короткой рубахой⁴, идущей, кстати, из более древних ахеменидских времен.

¹ Г. А. Тирацян, Материальная культура Армении первых веков н. э. по данным некрополя и бани в Гарни, стр. 5—6.

² Б. Н. Аракелян, Сюжетные рельефы Армении IV—V веков (на арм. яз.). Ереван, 1949, рис. 1; К. Г. Кафадарян, Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952 (на арм. яз.), рис. 233.

³ В. Ацуни, История древнеармянской одежды, Венеция, 1923 (на арм. яз.), рис. 34, стр. 78, рис. 36, стр. 81, рис. 40, стр. 88; Humann, Puchstein, указ. соч., табл. XXXV, 2, табл. XXXVIII, 2, табл. XXXIX, 1, 2; Страбон, География, XI, 14, 9; Лукиан Самосатский, Как следует писать историю, 2, см. К. В. Тревер, указ. соч., стр. 227 и др.

⁴ Отчет Археологической комиссии за 1906 г., СПб., 1909, рис. 35, 39, 41, Н. Seyrig, Armes et costumes iraniennes de Palmyre. «Syria», 1937, т. XVIII.

Ценным источником для изучения сущности культуры древней Армении III—I вв. до н. э. являются армянские монеты этой эпохи¹. Ведь на одной и той же монете имеются эллинские и местные элементы эллинистического направления в культуре. Обратная сторона монет, как правило, всегда связана с эллинскими образами, может быть в некоторой степени переосмысленными. Связана она с эллинским миром и греческой надписью. Но как только мы обращаемся к лицевой стороне, к эсфригии правителя, бросаются в глаза местные элементы, проявляющиеся в головном уборе и в прическе. По существу, на маленьком куске металла встретились два различных направления, которые слились в сознании современников в какой-то единый эллинистический образ.

Архитектурные памятники рассматриваемого периода до нас не дошли, но до некоторой степени материалы для их реконструкции могут дать исследования раннехристианских памятников². Они сводятся к следующим данным. Языческие храмы рассматриваемой эпохи были продольными залами с пропорцией 1:2, с алтарем в западной части и с узкими фасадами, увенчанными фронтонами³. Анализ раннехристианских памятников также показывает, что своими некоторыми чертами языческие храмы перекликались с античной, эллинской архитектурой. Принципы этой архитектуры, как было показано А. А. Саиняном, ощущаются в общих пропорциях сооружений, а также, возможно, в своеобразной модульной системе. Далее, построение фронтонов, обработка отдельных деталей также красноречиво говорят о большом влиянии античной архитектуры на армянские языческие храмы, часть которых впоследствии превратились в христианские⁴. Но, тем не менее, архитектурный их образ, насколько его можно выявить, сильно отличается от античных, греческих и римских образцов. Он шел, в основном, по самостоятельному пути и выкристаллизовался на традициях, издавна существовавших на территории Армянского нагорья⁵.

Как видим, памятники материальной культуры первых веков до н. э. немногочисленны и охватывают далеко не все области культурной жизни древних армян. Но даже при этой скудости вещественных памятников прослеживается сочетание и взаимодействие эллинских и местных элементов. Анализ отдельных памятников этого времени на каждом шагу показывает этот характерный для эллинистической культуры вообще синтез⁶ местных, издавна бытовавших на тер-

¹ V. Langlois, Numismatique générale de l'Arménie, 1859, табл. I, 6, 7, табл. II, 1—10, табл. III, 1, 2.

² Т. Тораманян, Материалы для истории армянской архитектуры (на арм. яз.), т. I, стр. 209; К. Кафадарян, указ. соч., стр. 150, и особенно А. А. Саинян, архитектура казахской базилики (на арм. яз.), Ереван, 1955.

³ А. А. Саинян, указ. соч., стр. 263.

⁴ Там же, стр. 263, 276.

⁵ Там же, стр. 277.

⁶ К. К. Зельин, Некоторые основные проблемы эллинизма, Советская археология, XXII, 1955, стр. 104.

ритории Армении традиций и распространившейся из Греции культуры

Третий период охватывает I—III вв. н. э. Этот период армянской эллинистической культуры времени римской экспансии на Востоке. Первые века н. э. ознаменовались особенной активизацией римской политики на Востоке. Армянский народ прилагал все усилия для отражения военно-политического натиска Римской империи. Следует отметить, что, невзирая на силу этого натиска, он не всегда венчался успехом. В 66 г. н. э., при Тиридате I, была восстановлена независимость Армении, после долгих лет упорной борьбы с римскими легионами. В начале II в. Адриан был вынужден отказаться от проведенной с упорством Траяном политики захвата Армении. Большое восстание во второй половине II в. поставило в критическое положение римских завоевателей. Таким образом, все попытки окончательно подчинить Армению провалились. Близко стоящий к этому периоду Аппиан писал, что, несмотря на то, что римляне хотя и ставят армянам царей, над их страной не господствуют и не получают от них дани.

Данные по социально-экономическим отношениям рассматриваемого периода скуднее, чем для предшествующих. Засвидетельствовано продолжение градостроительной деятельности и наличие форм земельной собственности, свойственных для непосредственно предшествующих веков, что является показателем сохранения общности с эллинистическими странами Ближнего Востока и Малой Азии. С III в. н. э., очевидно, начался процесс складывания феодальных отношений, выразившийся в IV в. в упадке городской жизни и в крупных изменениях, происходивших в земельных отношениях.

Дело изучения материальной культуры этого периода находится в более выгодном положении по сравнению с предшествующими периодами, благодаря раскопкам в Гарни.

Раскопки позволяют выявить две группы материалов, относящихся к различным классовым слоям. Часть памятников, находящихся в крепости, непосредственно связана с господствующими слоями древнеармянского общества, а именно крепостная стена, храм и баня с мозаикой.

В противоположность памятникам на территории крепости, могильник отражает культуру рядового населения.

Познакомимся с отдельными группами предметов, входящих в погребальный инвентарь могильника. Керамика делится на две группы¹. В первую входят грубые сосуды, черного или серого цвета, горшки „кухонного назначения“, по своей форме явно связанные с древними местными традициями закавказской керамики.

Вторая группа представлена кувшинами, более разнообразными по форме, покрытыми, как правило, светлым характерным ангобом.

¹ Г. А. Тирацян, Материальная культура Армении первых веков н. э. по данным некрополя и бани в Гарни, стр. 10—11.

Такие сосуды сравнительно широко распространены на территории Закавказья и образуют четкую местную группу для первых веков н. э. Сосуды из Гарни, покрытые желтоватым ангобом, имеют свои аналогии в керамике из Бори и Вагаршапата, а сосуды с бугорчатой поверхностью — в керамике Ашнака, Вагаршапата и Самтавро.

Почти что единственным сосудом, так или иначе связанным с римскими изделиями, является краснолощенная плоская тарелка на низкой кольцевидной ножке, сильно напоминающая сходные тарелки из общеизвестной группы „терра сигиллата“. Более обстоятельное ознакомление с отмеченной группой показывает, что речь идет не о привозном предмете, а лишь о подражании малоазийским или даже сирийским образцам, на что указывает отсутствие лака и клейма, две важнейшие отличительные черты „терра сигиллата“.

Иную картину выявляет исследование стеклянных сосудов некрополя¹. Типологический их анализ позволяет определить, по мере возможности, производственные центры, из которых они доставлены. Приводимые при разборе каждого сосуда многочисленные аналоги указывают, главным образом, на их происхождение из восточных, в частности сирийских центров стеклодела. Это относится, главным образом, к выдутым в формах сосудам с каннелированными стенками, излюбленным приемом сирийского стеклодела, а также к значительной части гарнийских колбовидных бальзамариев, на что указывает сопоставление их со сходными сирийскими изделиями из Дура-Европос, которые выявляют порой чрезвычайную близость форм, размеров и других признаков. Не оставляют сомнения в сидонском происхождении обломки с узорами в виде рельефных сосудов.

Так как каких-нибудь следов стеклодела античного времени в Гарни, да и в других районах Армении, до сих пор не обнаружено, выделить местную группу стеклянных сосудов можно руководствуясь лишь типологическими соображениями. К сосудам местного изготовления возможно отнести группу колбовидных бальзамариев I—II вв. н. э., с яйцевидным туловом и выраженными плечиками, известных нам только по экземплярам Гарни, Севанского района и Бори. К местным изделиям можно отнести также маленький амфориск с пояском в виде ромбовидных узоров. Такие сосуды известны нам только в Армении и являются прямым подражанием бесспорно сирийских изделий I в. н. э., которые имеют декоративные пояски в виде завитков и изготовлены в стиле школы стеклодела Энниона.

Такое разделение по местным и привозным изделиям можно провести и по отношению к остальным группам вещей погребального инвентаря некрополя первых веков н. э. Так, например, часть бус совпадает по виду с подобными украшениями первых веков н. э., встречающимися на широкой территории (Передняя Азия, северное причер-

¹ Г. А. Тирацян, Материальная культура Армении первых веков н. э. по данным некрополя и бани в Гарни, стр. 11—13.

номорье). Отдельную же группу составляют бусы из цветных камней, встречающиеся с давних времен на территории Армении¹.

Перстни и геммы в своей массе выявляют большое сходство с соответственными изделиями Римской империи. Тем не менее следует выделить два образца, с шариками, припаянными к месту соединения жуковины с шинкой, и отнести их к восточным изделиям.

Оружие же представляет собой дальнейшее развитие местных форм — наконечники копий, втулочные, листовидные или в форме треугольника, сходные с головинскими и ахтинскими формами, но уже с лезвием без ребра.

Обращаясь теперь к крепостному комплексу памятников, начнем их рассматривать с крепостной стены, которая является замечательным образцом фортификационного искусства древней Армении.

Ряд данных исторического и археологического порядка позволяет утверждать, что в Гарни она была построена задолго до появления там римлян. О том, что это сооружение является продуктом местных строительных традиций, говорят, прежде всего, важнейшие черты его строительной техники, сближающие его со многими подобными памятниками древней Армении. В Ерундашате, Армавире, Ани и в других местах обнаружены стены с близкой между собой фактурой обработки стен, идущей, впрочем, с урартского времени и характерные для древней Армении. Родство этих сооружений с гарнийской крепостной стеной предоставляет возможность найти достойное место последней в среде подобных местных сооружений древней Армении.

Зато многим связана с достижениями внешнего римского мира усадебная или дачная по типу баня в Гарни (III в. н. э.).

Группировка основных помещений, размещение их по одной оси явно перекликается с планами однотипных баневых сооружений античного мира (с так называемыми „Reihenbäder“). Оригинальная система отопления (топка, обслуживающая подпольное пространство бани) выработана на век раньше рубежа нашей эры, не в Италии, как думали до сих пор, а в Греции. Однако Римская республика, а затем Римская империя быстро усвоили этот принцип, и уже в I в. н. э. все бани империи действовали на основе такой системы отопления.

На наш взгляд, вышеприведенные обстоятельства не умаляют значения этого сооружения для культуры древней Армении: наличие его в материальной культуре первых веков н. э. свидетельствует в конечном счете об определенном уровне армянского общества, готовом усваивать последние технические достижения античного мира.

Приблизительно такое же культурно-историческое значение имеет мозаичный пол гарнийской бани. Гарнийская мозаика является свидетелем запросов и требований верхушки армянского общества. Слишком сильны ее сходство и связь с подобными произведениями антично-

¹ Г. А. Тирация, Материальная культура Армении первых веков н. э. по данным некрополя и бани в Гарни, стр. 14.

го мира (правда, больше с восточными, сирийскими), чтобы можно было умолчать об их непосредственном родстве. Тем не менее не лишены основания попытки выявить долю участия местных художественных традиций в деле создания мозаики в Гарни. Поэтому установленные Б. Н. Аракелян некоторые стилистические отклонения мозаики в Гарни от антиохийских мозаик должны быть признаны правомерными¹.

Последним из рассматриваемых памятников, служащим основанием для предлагаемой периодизации, является античный храм в Гарни. При исследовании этого, построенного явно в так называемом эллинистическо-римском стиле храма неоднократно делалась попытка выявить отклонения художественных, архитектурных, строительных принципов от общих норм вышеуказанного стиля, связав эти отклонения с местными традициями. Учитывая наличие довольно развитого строительного искусства в древней Армении, не исключена, конечно, возможность участия местных мастеров в создании этого памятника. Но определить точно их долю в этом деле — трудная задача, ввиду отсутствия подобных сооружений на территории Армении в эту же эпоху. Во всяком случае ясно, что меньше всего это участие ощущается в планово-композиционных формах храма. В декорровке же имелось как будто больше возможности для такого участия, но и тут было бы неправильно отнести все отклонения от общих норм к этническим особенностям строителей.

Большой интерес представляют те связи, которые устанавливаются между гарнийским храмом и малоазийскими храмами — Сагаласом и Термесом.

К. В. Тревер было показано, что как с точки зрения архитектурной композиции, плановой и объемно-пространственной, размеров и пропорции, так и с точки зрения убранства существуют многие точки соприкосновения между упомянутыми памятниками Малой Азии и гарнийским храмом².

Ознакомление с памятниками армянской эллинистической культуры времени римской экспансии показывает наличие взаимовлияния между местными и завезенными извне явлениями культуры.

Если в предшествующий период (III в.—I в. до н. э.) мы наблюдали какое-то равновесие между ее основным, местным и эллинским элементами, то изучение культуры первых веков н. э. говорит о наличии усилившегося внешнего воздействия на местную культуру.

Нас не должно удивлять присутствие в общем облике этой культуры многих характерных для всего тогдашнего мира черт. Нельзя упускать из виду тот факт, что эта культура сложилась в пору сильной римской экспансии на Востоке, сопровождавшейся сильным куль-

¹ Б. Н. Аракелян, Мозаика из Гарни, стр. 151.

² К. В. Тревер, указ. соч., стр. 51—59.

турным воздействием. Армения, постоянно ведшая упорную борьбу за свою самостоятельность, не всегда могла отстраняться от культурного влияния Рима.

Следует отметить, что в вопрос о взаимоотношениях с римской культурой необходимо внести существенные поправки. Все больше и больше выясняется участие в создании культуры Армении первых веков н. э. именно восточных областей Римской империи, главным образом таких древнейших культурных районов, как Малая Азия и Сирия.

Рубеж III – IV вв. н. э. является одновременно рубежом между культурой древней и средневековой Армении. На основе сложившихся феодальных отношений, в условиях идеологического господства христианства, возникает и развивается раннесредневековая культура Армении. Ее основные черты выступают в базиликальных сооружениях, в сюжетных рельефах этого периода. Интересные данные для материальной культуры этого времени могут дать сасанидские разнообразные памятники, особенно при сличении их с письменными памятниками раннесредневековой Армении.

Решающее же слово для всестороннего раскрытия культуры этого периода остается, однако, за археологическими исследованиями.